Только для членов партии.

С. К. Гусев

Член Реввоенсовета Кавказского фронта.

Очередные вопросы Хозяйственного строительства.

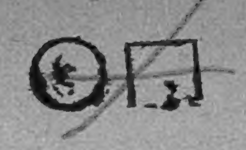
(О тезисах Ц. К. Р. К. П)

Материалы к 9-му с'езду Р. К. П.

Издание
Р. В. С. Кавказфронта.

Типогр. Штаба Кавказского фронта.

Предисловие.

Настоящая брошюра написана, переписана, набрана, прокорректирована, отпечатана и сброшюрована в течение трех суток,—быстрота даже в военном деле исключительная. Конечно, спешность работы не могла не отразиться сильнейшим образом на качестве ее, что для меня, автора брошюры, гораздо виднее, чем для ее читателей. Брошюру правильнее было бы назвать собранием замечаний, примечаний, отрывочных соображений и некоторых практических предложений по поводу тезисов Ц. К. об очередных задачах хозяйственного строительства. Работа чрезвычайно затруднялась тем, что я имел под руками лишь отдельные, случайные номера *„Экономической жизни“*, *„Правды“* и *„Известий“*, доходившие до фронта крайне неаккуратно, с огромными пропусками, а тезисы Ц. К. дошли до меня по радио в искаженном и неполном виде. Все эти обстоятельства необходимо принять во внимание при чтении брошюры.

Я буду считать свою задачу вполне достигнутой, если эта брошюра послужит сырым материалом для с'езда и если вопросы, возбужденные мною, будут признаны если не решенными правильно, то хотя бы правильно поставленными.

Саратов, 15—17 марта 1920 г.

I. Порядок работ с'езда.

Девятому с'езду Р. К. П. предстоит решить ряд коренных вопросов хозяйственного строительства в самый трудный, переходный к „мирному“ строительству, период существования Р. С. Ф. С. Р.

Решение этих колоссально трудных вопросов особенно затрудняется тем, что у нас нет достаточного опыта. Опыт гражданской войны, опыт строительства Красной армии, является пока единственным опытом строительства в общегосударственном масштабе и мобилизации широких масс рабочих и крестьян и дает несомненно много ценнейших указаний. Но, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что слепое, непродуманное перенесение этого опыта на хозяйственное строительство могло бы повести к ряду тяжелых ошибок. Задачи хозяйственного строительства и условия, в которых нам приходится приступать к выполнению их, значительно разнятся от строительства армии и от условий, в которых это строительство выполнялось.

Прежде всего, хозяйственное строительство гораздо сложнее и по своим размерам гораздо крупнее, чем строительство армии, а потому требует больших сил, более сложной организации и более сложного согласования различных частей крайне сложного хозяйственно-

го аппарата. Затем, рессурсы и запасы Республики теперь истощены в гораздо большей степени, чем это было в начале гражданской войны, а материальные элементы производства и транспорта за эти два года гражданской войны подверглись чрезвычайному разрушению и изнашиванию, наряду с огромным увеличением пустующих полей, наконец крестьянство и пролетариат крайне утомлены и истощены двумя годами гражданской войны. Если нам лишь при величайшем напряжении сил удалось преодолеть сопротивление кулаков и колебания середняков при мобилизации в Красную армию (при чем одолеть дезертирство полностью мы не смогли), то проведение трудовых мобилизаций встретит еще большие трудности.

Все эти отличия в задачах и условиях строительства Красной Армии и хозяйственного строительства обязывают нас, вопервых, внимательно и критически учесть опыт строительства Красной Армии, не довольствуясь огульными, поверхностными и легковесными заявлениями, вроде—„подчинить все Красной Армии“, или „долой военщину“ (к этим коротким формулам в сущности сводятся ультра—милитаристское и ультра—гражданское течения), и вовторых, не ограничиваться на партийном с'езде решением вопросов только в их общей, абстрактной, принципиальной, теоретической постановке, а, учтя опыт строительства Красной Армии, а также трудовых армий и трудовых мобилизаций, дать ряд практических решений, хотя бы для этого пришлось затянуть с'езд и „залезть“ при решении некоторых специальных вопросов в „сферу влияния“ Выс. Совнархоза, совета обороны и других учреждений и ведомств. Вопросы небывало важные и серьезные, чтобы останавливаться при их решении пред соображением о некоторых технических неудобствах.

Для того, чтобы с'езд не превратился в бесплодную говорильню, необходимо выделить основные вопросы хозяйственного строительства (примерно, единый хозяйственный план, трудовые мобилизации, милитаризация хозяйства, трудовые армии) и по каждому вопросу получить в виде отдельных докладов *деловые отчеты*; особенно важно дать с'езду возможность выслушать тех представителей из трудармий и с мест, которые непосредственно участвовали в работе по организации трудармий и по проведению трудовых повинностей. Как ни громоздок этот порядок, однако, это единственное средство от бесплодных разговоров о принципах и планах подойти к деловой, практической постановке вопросов, основываясь на имеющемся уже опыте.

Учет опыта в тезисах Ц К. почти совершенно отсутствует. Дальше общей приниципиальной постановки и некоторых частичных деловых предложений (единоличное начало, использование специалистов и проч.), основанных на отрицательном опыте коллегиальности, тезисы Ц. К. не идут. Это основной недостаток тезисов, который, вероятно, зависит от того, что у Ц. К. не было возможности собрать необходимые материалы. И этот недостаток необходимо восполнить учетом на самом же с'езде опыта работников, непосредственно на местах работавших по трудовой повинности.

Понятно, партийному с'езду придется остановиться только на основных, главных выводах из опыта и принять по ним определенные твердые решения. Разработку этих решений и более детальный учет опыта трудармий и трудовых мобилизаций лучше всего поручить с'езду работников по трудовой мобилизации и трудармиям, который

надо созвать в ближайшее время. Пусть это будет неоформленный с'езд, без определенного представительства. Важно только одно: чтобы в ближайшее время с'ехались работники, непосредственно работавшие по трудовой мобилизации и в трудармиях, для обмена опытом, для подведения итогов, для учета сделанных ошибок, для выяснения, какие препятствия являются главными при проведении трудовой повинности. Созыв этого с'езда можно поручить Главкомтруду, причем каждая организация, соприкасавшаяся с трудовой повинностью, может делегировать на с'езд тех работников и в том числе, каких оно найдет нужным. Огромное практическое значение такого с'езда неоспоримо, ибо дело идет о новом вопросе, в котором у нас опыта нет, а необходимо торопиться с учетом опыта.

II. Единый хозяйственный план.

О едином хозяйственном плане у нас заговорили со времени последнего с'езда совнархозов, где была принята соответствующая резолюция. Прошло не мало (по революционной мерке) времени с тех пор, а мы, повидимому, не сдвинулись с места в этом вопросе. Судя по статьям „Экономической жизни", а так же по тезисам Ц. К., огромное, первостепенное, решающее значение единого хозяйственного плана в партии не сознается. Конечно, все признают, что без плана нельзя, что план необходим, что с единым хозяйственным планом должны быть сообразованы трудовые мобилизации и распределение сил, но дальше этого ординарного, будничного, обывательского, шаблонного признания никто не идет. Совершенно не видно понимания того, что в той исключительно сложной, небывало запутанной, неслыханно трудной обстановке, в которой нам приходится приступать к хозяйственному строительству, необходим абсолютно ясный, простой, примитивно грубый, прямолинейно-беспощадный план, проводимый с железной твердостью.

На партийных конференциях в Саратове, а также на широкой Рабоче-Красноармейской конференции там же, на которой присутствовало до 1500 делегатов, я пользовался для пояснения вопроса о едином хозяйственном плане одним сравнением, которое я привожу здесь потому, что из речей тридцати ораторов, выступавших на широкой конференции, среди которых было несколько крестьян и красноармейцев и не мало партийных и беспартийных рабочих, я убедился, что это сравнение ими прекрасно усваивается, что, благодаря этому сравнению, сложные вопросы обще-государственного хозяйства им становятся совершенно доступными.

Я сравнивал наше государственное хозяйство с колоссальным зданием в десятки этажей и десятки тысяч комнат. Все здание полуразрушено. Крыша местами провалилась, стропила подгнили, потолки обваливаются, провода порваны, водопроводы лопнули, печи разваливаются, половицы расшатались и проваливаются, наконец, стены и фундамент также расшатаны и зданию грозит обвал.

Как приступить к ремонту этого здания? По какому хозяйственному плану?—спрашивал я.

На этот вопрос обитатели различных этажей и даже различных комнат в одном и том же этаже будут отвечать разно. Те, которые живут в верхнем этаже, будут кричать, что стропила подгнили, по-

толки протекают и обваливаются, что жить в этом этаже дальше не возможно, что необходимо немедленно, *в первую очередь*, поставить новые стропила и покрыть крышу. И с своей точки зрения они будут глубоко правы. Да, жить дольше в этом этаже не возможно. Да, действительно ремонт крыши необходим.

Обитатели одного из следующих этажей, в котором лопнули водопроводные трубы, будут кричать о том, что без воды жить нельзя, а потому в первую очередь необходимо починить водопроводные трубы. И они также с своей точки зрения будут глубоко правы, ибо без воды жить никак нельзя.

Обитатели того этажа, где развалились печи, будут настаивать на починке печей в первую очередь, ибо они и их дети мерзнут от холода, ибо не на чем сварить для детей кашу или вскипятить воду. И эти будут правы.

Но из-за этих справедливых требований, которые тысячами несутся со всех сторон, нельзя забывать главного, что расшатался фундамент, что зданию грозит обвал, который погребет всех обитателей дома, что поэтому *единственным* первоочередным делом является укрепление фундамента и стен. Необходима совершенно исключительная твердость, необходимо величайшее мужество, чтобы не только не смущаться криками и стонами стариков, женщин, детей и больных, несущимися со всех этажей, но решиться даже на то, чтобы отнять у обитателей всех этажей необходимые для укрепления фундамента и стен инструменты и материалы, чтобы заставить их бросить свои углы и коморки, которые они всеми силами пытаются привести в жилой вид, чтобы выгнать их на работу по укреплению фундамента и стен.

Это сравнение служило мне для двух целей: вопервых, чтобы выяснить необходимость трудовых мобилизаций и полную недопустимость возврата по домам, к своим углам, в свои коморки, чуланы, комнатушки и избенки, а вовторых, для выяснения жизненной необходимости ясного плана в сложной обстановке и его неуклонного беспощадного проведения.

Чем сложнее и запутаннее обстановка, тем более ясен и прост должен быть план. Мы, говорил я, употребляя другое сравнение, попали в непролазный, дремучий лес. Выхода никуда нет. И только одно средство есть, чтобы выбраться: взять топор и прорубаться сквозь чащу, не уклоняясь в стороны, по прямому кратчайшему направлению. Вот именно такой топорной, грубой, до последней степени простой работы и должен быть наш план. Этот план должен дать то главное, чего мы *не должны забывать ни при каких обстоятельствах*.

Не забывать главного—вот тот урок, которому коммунисты (не все) могли научиться на войне, на военной работе, ибо там почти постоянно приходилось пребывать в таком положении, когда со всех сторон несутся требования немедленно и в первую очередь снабдить патронами, продовольствием, обмундированием, в самом срочном порядке дать пополнения и подкрепления. Если бы сложить всю эту массу требований, то оказалось бы, что удовлетворялась, быть может, только одна двадцатая часть их. На первых порах можно было растеряться в этой массе совершенно основательных, справедливых, правильных требований. Но потом мы быстро научились *не забывать главного* и неуклонно, упорно отказывать, как бы справедливы ни были требования, раз они идут в ущерб главной, основной задаче.

Местные Советские работники, не раз получавшие такие *непонятные для них*, несмотря на наши яснейшие раз'яснения, отказы в справедливейших их требованиях, а также необстреленные приезжие столичные товарищи окрестили нас за это „бурбонами, самодурами“ и еще более нелестными эпитетами. И теперь, когда на партийном с'езде станет вопрос о милитаризации и о внесении военных методов работы в хозяйственное строительство, товарищи должны вдуматься и понять, что прямолинейность в достижении главного, полное сосредоточение на главном, беспощадно отбрасывая все второстепенное, это и есть основная, наиболее существенная, наиболее важная черта в методах военной работы.

Это так просто и понятно, что казалось бы долго об этом и разговаривать нечего. Но чего я больше всего боюсь, так это быстрого и легкого признания этих, повидимому, простых и легких вещей. „Немало есть на свете, друг Гораций“, простых и легких вещей, которые легко признать, но чрезвычайно трудно выполнить. Просто, ясно, легко, понятно, например, что наступающего неприятеля нужно ударить во фланг, это все знают, это все признают, но лишь очень немногие умеют проделывать это, а подавляющее, потрясающее большинство неизменно сбивается на затыкание дыр и подбрасывание победоносно шествующему неприятелю под ноги новых частей, которые при этом неизменно бывают биты. В чем дело? В чем секрет? Да просто в том, чтобы хватило выдержки спокойно посмотреть на штык, направляемый вам прямо в сердце, хватило твердости, не поддаваясь панике, пожертвовать теми частями, которые в беспорядке отступают, *не дать им помощи*, а скопить спокойно и обдуманно в самый тревожный и опасный момент фланговый кулак. А у многих ли найдутся для этого твердость, выдержка? Нет, лишь у очень, очень немногих.

Вот такая же железная выдержка, такое же спокойствие необходимы и на хозяйственном фронте. Иначе мы неминуемо впадем (и уже впали) в политику затыкания дыр, которая ничего кроме гибели дать не может.

Если мы теперь обратимся к постановлениям последнего с'езда Совнархозов, к статьям „Экономической жизни“ и к тезисам Ц. К. (как первым, так и вторым), то мы увидим, что единого хозяйственного плана в них нет и следа, что пока есть только хорошее пожелание о выработке плана и, наконец (что является самым существенным), в них совершенно отсутствует основной вывод из нашего катастрофического положения—выделить главное, сосредоточиться на нем, беспощадно выбросить все остальное. Самое замечательное это то, что это главное все же сумело заставить себя признать (я говорю о транспорте), но это произошло стихийно и даже теперь не видно, чтобы словесное признание восстановления транспорта первоочередным, главнейшим делом на деле было осуществлено полностью. Потому что не так то легко научиться „бурбонству“ и „самодурству“, не так то легко избавиться от национально русской расхлябанности, податливости и уступчивости.

Посмотрите, например, тезисы, тов. Ногина. Сам же тов. Ногин категорически заявляет, что „производство на наших предприятиях продолжает носить хаотический, неорганизованный характер: вырабатываются ненужные сорта товаров, работа идет часто совершенно сти-

хийно, бессистемно и не подвергаясь никакому учету, нужды целых крупнейших отраслей промышленности остаются без удовлетворения, несмотря на возможность этого“.

И как предлагает тов. Ногин выработать единый хозяйственный план? Да очень просто.

„1) Поручить президиуму ВСНХ организовать центральную производственную комиссию для выработки единого хозяйственного плана, согласования производственных програм всех отраслей промышленности и утверждения планов и смет по распределению материальных запасов Республики.

2) Обязать все производственные отделы ВСНХ и подчиненные им правления, главки и центры и местные Совнархозы представлять в. ц. п. к. в указываемые ею сроки свои производственные программы.

3) Производственные программы должны составляться на основании следующих данных:

А. Какие требования пред‘явлены на выработку предприятий:

1) Какие заказы даны центральными учреждениями.
2) Какие заказы даны местными учреждениями.
3) Каковы наличные запасы готовых продуктов.

В. Как распределены заказы по предприятиям:

1) Существует ли разделение труда между предприятиями и производится ли специализация предприятий; если да, то в чем она заключается.

2) Как распределены заказы по предприятиям фактически: а) национализированным, б) ненационализированным, в) кустарным, г) кооперативным.

Примечание 1: Должно точно указать название и адрес предприятия и данный ему заказ.

Примечание 2: Перечислить предприятия, находящиеся в ведении учреждения и не получившие заказ, с указанием причины невключения в программу.

С.) Каковы реальные возможности исполнения заказов.

1) На какой срок и в каком количестве предприятие обеспечено сырьем и материалами. Указать, где находится сырье—на дворе ли предприятия или его необходимо привезти и откуда.

2) На какой срок и в каком количестве предприятие обеспечено топливом, и где находится заготовленное топливо.

3) Число рабочих, технического персонала и конторских служащих. В ком из них имеется недостаток и в каком числе.

4) В каком порядке предприятие обеспечивается продовольствием.

5) Число наиболее важных для производства машин, печей или аппаратуры, определяющих производительность предприятия.

6) Состояние оборудования (когда был ремонт).

7) В чем ощущается особо острая нужда (в каких материалах, частях машин и пр.).

8) Какое количество продуктов и каких может быть выработано при данных условиях в месяц.

9) В какой срок предполагают выполнить полученные заказы.

10) Какова была выработка: а) в предшествующие два года, б) в 1916 г. и в) в довоенное время“.

Превосходная программа для благоустроенного, упорядоченного, организованного социалистического общества, но совершенно непригодная, опасная, гибельная для той полуразрушенной храмины, каковую представляет наше общественное хозяйство.

Тов. Ногин предлагает запросить по „этажам“ производственные программы, собрать их воедино, суммировать, согласовать и вывести из них единый хозяйственный план. Тов. Крумин (если не ошибаюсь) в превосходной (для будущего социалистического общества) статье разъясняет, что по сведении производственных программ воедино они вновь посылаются в производственные секции, где тщательно обдумываются и проверяются, затем возвращаются в центральную производственную комиссию, где вновь обсуждаются, согласуются, сокращаются—и тогда единый хозяйственный план готов. И можно поручиться, что это будет превосходнейший план для будущего социалистического общества, а для настоящего ничего, кроме величайшей неразберихи, путаницы, бессилия не даст, ибо за деревьями будет позабыт лес, за требованиями этажей будет упущен из виду фундамент, за второстепенными будет пропущено главное.

При настоящем катастрофическом положении единый хозяйственный план должен диктовать свою властную волю всем производственным программам—вот основное положение, вот самый важный, существенный вывод из всего опыта гражданской войны, из всего положительного, а главным образом из отрицательного опыта советского строительства. Этот вывод, как видите, прямо противоположен предложению тов. Ногина—единый план сделать функцией (переменной величиной зависимой) от производственных программ.

Планомерное составление хозяйственного плана по производственным программам отдельных секций приводит к *анархической* неразберихе, когда каждый тянет к себе для своего угла. Вот поистине превращение разума в бессмыслицу.

Нелегко отрешиться от впитанных десятилетиями навыков и методов работы, дико предлагать, напр., махнуть рукой на льноводство и животноводство, падающие катастрофически, и принять, скажем меры только к тому, чтобы замедлить их падение. Но ведь мы переживаем „дикую“ эпоху небывалой в истории революции, эпоху, которая все положения и понятия переворачивает вверх дном.

Я заговорил о льноводстве и животноводстве, вспомнив о тезисах тов. Рыкова. Тов. Рыков совершенно ясно сознает необходимость „сосредоточения главнейшего внимания на улучшении транспорта“ (да и кто теперь не сознает этого?), но как председатель высовнархоза, сидящий в центре огромного полуразрушенного здания, он не может не прислушиваться к крикам, несущимся со всех этажей, поддается этим крикам и выставляет наряду с транспортом льноводство, хлопководство, животноводство и пр. Вот образец того, как признание на словах главной задачи на деле еще не ведет к устранению всего второстепенного, что идет в ущерб главной задаче.

Возьмите животноводство. Положение катастрофическое. Крестьянский скот вымирает от ряда войн, голода и эпизоотий. Вывод: поставить увеличение и улучшение животноводства в качестве одной из главнейших задач. Да, в нормальное и мирное время, в органические эпохи те меры, которые предлагает тов. Рыков (племенные рассадники, борьба с эпизоотиями и проч.), могут достигнуть цели. Но в ненормальные, дикие, революционные критические эпохи это не выход. Необходимо найти дикий *революционный* выход.

Здесь я подхожу к одной основной черте нашего хозяйственного плана, которая отчасти уже наметилась в литературе. Выше я сказал, что чем запутаннее, сложнее, труднее положение, тем более простым, ясным, грубым, прямолинейным и беспощадным должен быть единый хозяйственный план.

Теперь к этому надо прибавить, что чем ниже технический уровень и производительность труда в данной отрасли производства, тем к более высоким по технике способам производства мы должны (и вынуждены будем) переходить сразу, минуя промежуточные ступени. От проселочных дорог сразу, минуя грунтовые и шоссейные пути, к электрическим трамвайным под'ездным путям. От маломощных 6-ти колесных паровозов, минуя 8-ми и 10-ти колесные, к могущественным 12-ти колесным, от сохи и захудалых крестьянских „одров“ к тракторным плугам.

И это вовсе не красивое пожелание, не красный вымысел и не увлекательная мечта. Это жизненная необходимость. Возмите в самом деле вопрос о топливе. И тов. Ломов, и вслед за ним Ц. К. в своих первых тезисах утверждают, что мы еще долго будем сидеть на дровах. Тов. Ломов при этом добавляет, что наше счастье в том, что у нас безграничные запасы леса. Это совершенно не верно. Богатство лесом измеряется вовсе не миллионами десятин земли, покрытых лесами, а узкой, примерно тридцативерстной полосой (по 15 с каждой стороны), по обеим сторонам желдорог и сплавных рек, густотой народонаселения в этом придорожном и приречном районе, количеством лошадей в этой полосе, конской сбруи и саней, обеспеченностью населения продовольствием и одеждой, обеспеченностью лошадей фуражем, политической сознательностью населения, количеством вооруженной силы, имеющейся в распоряжении исполкомов, политической сознательностью этих отрядов, их обмундированием и продовольствием, степенью толковости и организационной умелости дровозаготовительных органов, величиной требований Наркомпрода и его органов на гужевой транспорт в придорожной и приречной полосе, снежными заносами, отвлекающими подводы и людей, распутицей и многими еще другими обстоятельствами, которые можно перечислять без конца. И вот, если мы учтем все это, то мы должны будем признать, что мы в настоящее время расходуем предпоследние, а может быть, даже и последние дровяные рессурсы. Да если бы даже это и было не вполне так, то во всяком случае несомненно, что на дровах мы не выедем. Все признают, что главнейшие задачи нашего первого, ближайшего хозяйственного периода—транспорт, топливо, хлеб, сырье. И в отношении топлива ни уголь, ни нефть, ни тем более дрова не дадут нам жизненно необходимого быстрого, немедленного сдвига с мертвой точки, если мы будем пытаться использовать их старыми методами. Вместо того, чтобы везти нефть и уголь, что некоторое время нам все же неизбежно придется делать, мы должны передавать их энергию на расстояние,

т. е. прибегнуть к электрофикации на расстояния, которые допускаются техническими условиями. Это вопервых. А вовторых, мы должны перебросить часть нашей промышленности к источникам энергии и сырья.

Мы подошли здесь не к очень новому вопросу о социалистической перестройке капиталистической производственной базы. Эта база создавалась без всякого плана, и характерно, что некоторые крупнейшие наши производительные районы (Московский и Питерский) крайне удалены от топлива, сырья и хлеба. В гораздо лучшем положении Урал и Донецкий бассейн. Еще во время империалистической войны происходил перенос производственной базы на Волгу и на берега Черного и Азовского морей (особенно, Бердянск, Таганрог). Теперь мы вынуждены, жизненная необходимость толкает нас на то, чтобы создать производственные базы у источников топлива, сырья, хлеба (район Грозного, Эмбы, некоторые пункты Сибири) Старые производственные базы необходимо, понятно, использовать. Там есть здания, машины, пути. Но задача сегодняшнего же дня **начать** постройку новых производственных баз. Это—не остроумный план, не хитрый фокус изобретателя, это-категорическое требование жизненной необходимости. Чем глубже мы опускаемся в пучину хозяйственной разрухи, тем к более высоким технически способам производства мы должны сразу перескочить. Старые же производственные базы (Московскую и Питерскую) мы должны рассматривать на ближайший период, как временные мастерские (вроде тех, какие устраиваются на время сооружения грандиозных построек и затем сносятся), которые поддерживают наш жизненный уровень и служат для сооружения социалистической базы производства. Впоследствии, когда эта роль их будет закончена, мы посмотрим, что делать с ними дальше.

Вопрос о создании социалистической производственной базы на развалинах капиталистической не нов, но ново в этом вопросе то, что из области туманных мечтаний и предположений он стал основным вопросом всего нашего плана, злободневным практическим делом. Это нужно понять, прочувствовать, вдуматься в эту мысль, привыкнуть к ней, как ни проста и ни ясна она. Нужно усвоить себе, что создание социалистической производственной базы—основная ось всего нашего хозяйственного строительства и что мы с сегодняшнего же дня приступаем к практическому строительству этой базы. Все наши работы, все частные планы должны оцениваться с этой точки зрения.

Возвратимся к Саратовской широкой Рабоче-Красноармейской конференции. Первое заседание ее началось в 6 часов вечера и продолжалось до 2½ часов ночи, второе заседание *на следующий день* началось также в 6 часов вечера и закончилось в 5 часов утра (*это после рабочего дня*). В продолжение этих грандиозных по продолжительности и по числу участников (до 1500) заседаний почти не замечалось беспорядка, хождения, шума. Только в начале первого заседания, сначала меньшевики, а потом анархисты пытались сорвать конференцию и устроили несколько очередных скандальчиков, на что было потеряно около часа времени. Собрания ни в какой мере не носили митингового характера, а были строго деловые. Самое характерное следующее: на первом собрании было два доклада непосредственно один за другим—о международном положении (тов. Флеровского, и о трудовых мобилизациях (мой). После доклада были открыты прения

причем записалось сорок два оратора, говорили из них тридцать (по десяти минут) и все без исключения говорили только по вопросу о трудовой мобилизации и о едином хозяйственном плане, не отклоняясь в сторону, не увлекаясь митинговыми выкриками, держась строго вопроса. Только два оратора говорили плохо, остальные более чем удовлетворительно, а некоторые поистине великолепно, особенно два крестьянина-красноармейца. Профессиональных ораторов коммунистов почти не было. Вся конференция была самым доподлинным участием широких рабоче-красноармейских масс в управлении государством, в обсуждении коренных хозяйственных вопросов, внимательном, вдумчивом, серьезном. Попытки закрыть прения, повторявшиеся несколько раз, систематически отклонялись собранием.

И вот, когда оглядываешься на эти необыкновенные собрания, которые всякого коммуниста, как бы он не был утомлен, воодушевляют на новую работу, на новые героические подвиги работы, то приходится в упор поставить вопрос о едином хозяйственном плане. Мы хотим привлечь широкие рабоче-крестьянские массы к управлению государством, хотим произвести широкие трудовые мобилизации для хозяйственного строительства. Этот вопрос о привлечении широких рабоче-крестьянских масс к управлению государством долгое время был в области хороших пожеланий. Теперь, перед лицом таких фактов, как Саратовская широкая рабоче-крестьянская конференция мы можем утверждать, что это дело сдвинуто с мертвой точки, что это вовлечение широких масс в работу государственного управления и хозяйственного строительства уже на мази, более того, что без дальнейшего углубления и расширения этого процесса мы никогда и не справимся с задачами хозяйственного строительства. Широкая агитация в крестьянских массах, созыв крестьянских с'ездов и конференций, огромная печатная агитация—вот основной вывод из практического опыта широких и беспартийных конференций, который кажется старым, как мир, но который по существу поразительно нов, ибо впервые в истории даже советской России поставлен вопрос не вообще о вовлечении широких рабоче-крестьянских масс в управление государством, а о непосредственном, практическом, сегодня же, завтра же—привлечении их к этой работе, о превращении принудительной трудовой мобилизации в сознательное участие в хозяйственном строительстве. Ведь мы хотим потребовать от широких рабоче-крестьянских масс, утомленных, истощенных, новых героических жертв. С каким же хозяйственным планом мы пойдем к ним? *Для какой цели, ясной и понятной массам*, во имя чего мы будем звать их на новые жертвы, на новые подвиги? Посмеем ли мы вернуться со с'езда без плана, или с тем случайным, сборным, наскоро нахватанным хозяйственным планом, сбивчивым и неясным, какой случайно изложен в первых тезисах Ц. К. (п. 9), или в тезисах Рыкова и Ногина?

Ведь в течение всей гражданской войны мы неустанно вколачивали, раз'ясняли, об'ясняли, растолковывали ее цели. И такую же работу, но в еще более усиленной степени мы должны проделать и по отношению к трудовым мобилизациям. Но как мы можем сделать это, раз мы для самих себя не уяснили плана (тезисы Ц. К., Рыкова, Ногина доказывают это), раз мы еще преступно разбрасываемся в наших планах, раз мы не сумели, даже выделив главное, основное, сосредоточить

все внимание на этом главном, раз у нас не хватает выдержки и решительности быть беспощадными по отношению ко всему, что вредит выполнению главного.

У анархистов, эсеров, меньшевиков есть ясный, простой, понятный для широких масс хозяйственный план—разойтись по своим хозяйствам, свободно трудиться на себя на своем участке. У анархистов, эсеров, меньшевиков есть ясная для широких масс критика трудовых мобилизаций—„Семена перебросить на участок Петра, Петра—на участок Семена", „Саратовских бросить в Ставропольскую губернию для обработки земель, Ставропольских—в Саратовскую для обработки же земель". Или вот беспартийная, крестьянская критика: „вы хотите сделать, когда нужно пахать, а они будут сор возить, когда нужно убирать, то нужно лес рубить". Здесь замечательно ярко выражено недоверие крестьянина к нашей способности создать правильный хозяйственный план. Это недоверие явно сквозит и в таких вопросах: „тов. Гусев, *пахали-ли* вы когда нибудь?" Или „товарищ оратор, знакомы ли вы с *крестьянским делом?"* (Все эти критические замечания получены мною в записках на упоминавшейся уже не раз широкой конференции.)

Это естественное для крестьянина недоверие к городскому жителю, ничего не смыслящему „в крестьянстве", надо победить, преодолеть, рассеять, доказать крестьянину, с ясным, понятным для него хозяйственным планом в руках, что и мы в этом деле не лыком шиты и что понимаем *больше, чем он.* Необходимо, чтобы крестьянин уверовал в наши хозяйственные способности, признал наш авторитет. Но без твердого, ясного плана, твердо и неуклонно проводимого, утвержденного партийным с'ездом, дающего право беспощадной расправы со всеми разбрасывающимися в стороны, растекающимися в широких, необозримых перспективах, сбивающимися и сбивающими с толку других, анархиствующими, партизанствующими, самостийничающими, тянущими в свою лавочку и срывающими работу, мы, конечно, доверия у крестьянина не заработаем.

Таким образом, подходя к вопросу о едином хозяйственном плане с новой стороны, со стороны его понятности и доступности для широких рабоче-крестьянских масс, мы вновь приходим к выводу, что наш единый хозяйственный план должен быть до последней степени прост, ясен, груб, прямолинеен, беспощаден. Только в таком виде он будет понятен массам и может быть превращен в ось всей нашей агитации, связанной с трудовыми мобилизациями и с хозяйственным строительством.

Я уверен, что товарищи, у которых хватило терпения дочитать эту брошюру до настоящих строк, будут весьма разочарованы, когда после таких длинных разговоров о едином хозяйственном плане, я им этот план, наконец, выложу.

Первый хозяйственный период. Восстановление транспорта, подвоз и образование запасов хлеба, топлива, сырья.

Второй хозяйственный период. Усиленное развитие машиностроения на транспорт и добывание хлеба, топлива и сырья с одновременным переходом к электрофикации и к частичному переводу производственных баз к источникам топлива, сырья и хлеба.

Третий хозяйственный период. Усиленное развитие машиностроения на производство массового потребления.

Хозяйственные периоды характеризуются по основной, главной задаче периода. Это не значит, что в первом хозяйственном периоде мы откажемся от производства паровозов и сельско-хозяйственных машин, которое входит в основную задачу второго периода. Это только означает, что все производства, не являющиеся подсобными для главной задачи хозяйственного периода, могут быть поддерживаемы лишь постольку, поскольку они жизненно необходимы и поскольку их работа не препятствует проведению главной задачи. Подсобные для основной задачи производства должны быть развиваемы в меру действительной необходимости.

—Да вы не открываете никакой Америки—сказал мне один товарищ, ознакомившись с этим планом.—Такой план может составить всякий мало мальски грамотный коммунист,—до такой степени он прост, не нов, и всеми признается и даже проводится в жизнь.

—Это верно—ответил я,—что план прост и не нов, чем тяжелее и запутаннее положение, тем более простой, ясный и общепризнанный план должен быть. Это—достоинство, а не недостаток плана, он должен быть прост и ясен не только для полуграмотного коммуниста, но и для безграмотного крестьянина. Ну, а насчет того, что план проводится в жизнь, позвольте мне быть иного мнения. Почитайте тезисы тов. Ногина, где он так выразительно описывает беспорядочный хаотический ход развития нашей промышленности. Сможете ли вы доказать мне, что с тех пор, как они были написаны, т.-е. со времени последнего с'езда совнархозов, действительно произошел крутой перелом в развитии нашей промышленности? Не сможете, ибо никакого перелома пока нет. А *ведь главное в том, чтобы этот план получил оффициальное признание и закрепление и чтобы он беспощадно проводился в жизнь*. Это и будет одна из важнейших, если не самая важная, задача предстоящего партийного с'езда.

III Всеобщая трудовая повинность.

Отсутствие ясного единого хозяйственного плана в значительной степени обесценивает тезисы Ц. К., как первые, так и вторые. У них как бы выбит прочный фундамент, почему тезисы шатаются, колеблются и грозят рухнуть.

Обсуждение тезисов на с'езде без предварительного принятия хозяйственного плана поставило бы с'езд в очень трудное положение. Ему пришлось бы обсуждать и приманить мероприятия (трудовая повинность, милитаризация, трудовые армии) по осуществлению *неизвестного ему и не вполне ясного для авторов тезисов хозяйственного плана*. В лучшем случае с'езд мог бы принять только абстрактные, принципиальные, бессодержательные постановления, которые не дали бы никаких конкретных. практических указаний по осуществлению этих важнейших мер. Я уже указывал в I главе (о порядке работ с'езда), как важно и необходимо теперь же, на с'езде произвести учет опыта трудовых мобилизаций и трудармий и от абстрактных разговоров о трудовой повинности вообще в социалистическом обществе вообще перейти к деловой, практической постановке вопроса о трудовых мобилизациях в Советской России в 1920 году

для осуществления главных задач первого хозяйственного периода твердо установленного и твердо проводимого единого хозяйственного плана.

Порядок работ с'езда, следовательно, намечается такой: 1) обсуждение вопроса о едином хозяйственном плане и принятие его, 2) выслушивание отчетов и докладов с мест о трудовых мобилизациях, 3) обсуждение и принятие решений по вопросу о трудовых мобилизациях, 4) тоже о милитаризации, 5) тоже о трудармиях. Последние три вопроса настолько тесно связаны между собою, что, вероятно, по ним придется открыть общие дебаты, а затем уже передать, если окажется это возможным, в секции. Передача в секции, однако, едва ли окажется возможной, вопервых, в виду теснейшей связи этих вопросов и невозможности делить их по секциям, во-вторых, ввиду чрезвычайной важности, остроты их и одинаковой заинтересованности в них всех делегатов с'езда, так что заседания секций превратятся в общие заседания с'езда. Поэтому, быть может, после общих дебатов по трем этим вопросам можно было бы открыть частные дебаты по тем резолюциям, которые будут внесены по каждому из этих вопросов.

Неясность хозяйственного плана отразилась в первых тезисах Ц. К. прежде всего на вопросе о необученной рабочей силе. В пункте 9 а говорится: „Ближайший под'ем производства при крайнем упадке машинного оборудования вызовет во многих отраслях промышленности необходимость чрезвычайно увеличенного применения живой преимущественно необученной рабочей силы". А следующий затем пункт 9 б гласит: „Дровяные заготовки, которым еще долго предстоит покрывать непомерно большую долю потребности в топливе; разработка торфяных и сланцевых залежей в размерах, какие раньше никогда не имели места; наконец, напряженная восстановительная работа в угольных, рудоносных и нефтеносных районах вызовут, наряду с привлечением рабочих профессионалов, необходимость сосредоточения все более широких необученных масс рабочих".

Вопрос о топливе, как уже указывалось во 2-ой главе (О едином хозяйственном плане), мы вынуждены будем поставить иначе, чем это сделано в только что цитированных тезисах. Коротко это формулировано так: „от дров непосредственно к электрофикации". Поэтому и вопрос о необученной рабочей силе для добывания топлива (да и в других отраслях промышленности) должен быть поставлен в иную плоскость. Не может быть и речи о все более расширяющемся примении необученной рабочей силы на заготовки топлива. Мы этого попросту не выдержим. Достаточно сослаться на тот факт, что в Саратовской губернии на дровозаготовки было привлечено почти все работоспособное население, что в последнее время на них было обращено 75% всего гужевого транспорта и все же

за недостаточностью гужевого транспорта, фуража, сбруи—запас дров на Р. У. ж. д. не превышал 10-дневной потребности и с наступлением распутицы дорога через пару недель станет. Госпиталя же все время из-за недостаточности гужа не получали даже голодной нормы. Заметьте, что Саратовская губерния находится в относительно благоприятных условиях, так как на дровозаготовки был обращен обширный аппарат Кавказского фронта, его полевые строительства и красноармейские части.

Только непосредственный переход от поглощающих огромную рабочую силу дровозаготовок к постройке мощных электрических станций у источников минерального топлива даст возможность чрезвычайно сократить требующуюся на заготовку топлива рабочую силу. Таким образом, единый хозяйственный план должен строиться не на все более широком применении необученной рабочей силы для данной отрасли производства, а на ее сокращении путем создания технически более высоких (а вернее сразу самых высоких) способов производства. Абсолютно же число необученных рабочих в общехозяйственном плане может увеличиваться по мере восстановления новых отраслей производства.

Впрочем, весьма возможно, что я и авторы тезисов говорим о разных хозяйственных периодах. Вина—на авторах тезисов, которые хозяйственного плана не дали, а такие неопределенные выражения, как „ближайший под‘ем производства“ могут повести к недоразумениям.

Однако, необходимо все же установить с полнейшей ясностью, что на дровах, необученной рабочей силе и крестьянском гуже мы долго не продержимся. Неоднократно повторявшаяся в литературе и фигурирующая в первых тезисах Ц. К. мысль о том, что основным рычагом для поднятия хозяйства страны является живая рабочая сила, не должна быть истолковываема расширительно. С этого мы должны *начать*, но только для того, чтобы *как можно скорее от этого отказаться*. Это-та первоначальная база, в которую мы должны упереться, чтобы сдвинуть воз с места, но и только. Поэтому в качестве основной практической задачи пред нами встает вопрос о том, чтобы эту первоначальную энергию, которая даст первый толчек остановившемуся хозяйственному механизму, направить исключительно на эту задачу, иначе мы рискуем расточительно и беспутно растратить этот единственный наш резерв на второстепенные, неважные дела, на затыкание дыр, а это повело бы нас к гибели.

Короче это можно было бы формулировать так: первые общегосударственные трудовые мобилизации почти исключительно на транспорт и на постройку мощных электрических станций у источников топлива.

Вопрос о всеобщей трудовой повинности в первых тезисах поставлен абстрактно. Иначе не могло и быть: в ту эпоху, когда они писались, никакого опыта еще не было. Но все же там имеется несколько конкретных предложений (пункты 16—20), из которых три последних (о трудовых комитетах) осуществлены. Что удивительнее всего это то, что в новых тезисах Ц. К. не только не дано ничего нового по сравнению с первыми тезисами по этому вопросу на основании опыта, но вопрос совершенно скомкан (п. 3). Несколько бессодержательных слов о необходимости сообразовать трудовые мобилизации с размерами трудовых задач и с количеством необходимых орудий. Затем следует темная фраза о формировании „трудовых частей“ (?) из мобилизованных и обеспечении их комячейками „по тому пути по которому мы шли в создании Красной Армии“. Это приходится „расшифровывать“. Как известно, вопрос о формировании трудармий из мобилизуемых по трудовой повинности является одним из самых острых и спорных вопросов, который станет на с'езде. Поэтому в этом вопросе должны быть даны совершенно ясные формулировки. Между тем, как в первых тезисах, так и в последних, от ясных формулировок Ц. К. уклоняется. Формулировка 3 п. новых тезисов может быть истолкована, как угодно: и в смысле милитаризации („трудовые *части*“, тот же путь, по которому мы шли при создании *Красной Армии*“) мобилизованных, и в противоположном смысле, так как налицо уклонение от ясной формулировки. А п. 12 новых тезисов дает основание думать, что Ц. К против создания трудармий. Об этом вопросе подробнее во главе о трудармиях.

Все это заставляет меня еще раз настаивать на необходимости учета на с'езде опыта трудовых мобилизаций (что не сделано Ц. К.) и достижения полной ясности в этом основном после единого хозяйственного плана вопросе.

Пункты 16 и 17 первых тезисов затрагивают вопрос о мобилизации женщин. Принципиально мы, конечно, не разойдемся в этом вопросе. Но если трудовые мобилизации требуют огромной осторожности, правильной постановки их, планомерного и целесообразного использования мобилизованной силы, чтобы с самого начала не подорвать нашими грубыми ошибками доверия крестьянства к ним, то по отношению к женщинам необходима совершенно исключительная осторожность. Характерно, что на широкой рабоче-красноармейской конференции я ни словом, ни намеком не коснулся этого вопроса, а между тем получил несколько записок, в которых были такие фразы: „вы хотите жить насчет наших баб“, „вы хотите об'явить национализацию всех женщин общим достоянием“.

Я сказал, что трудовая мобилизация должна проводиться настолько обдуманно и планомерно, чтобы ни в каком случае не давать повода крестьянину сказать: „даром, без толку гоняли“. К сожалению приходится признать, что нами очень много сделано для того, чтобы подорвать в крестьянстве доверие к трудовым мобилизациям. Тут имеются и факты „переманивания“ крестьян посредством премий (соль) продорганами у топливных, здесь имеются и факты мобилизации тысяч подвод на снегоочистку на желдорогах при полном неумении их использовать и захваты подвод воинскими частями. Вывод, который напрашивается и который учреждением комитетов по трудовой повинности отчасти уже решен, это—полная централизация

трудовых мобилизаций в едином органе и решительный отказ от всяких чрезвычайных мобилизаций, проводимых постановлениями чрезвычайных комиссий (вроде снегопути) и чрезвычайных уполномоченных Совобороны.

Столетиями господства помещичьего государства крестьянин воспитан в ненависти ко всяким трудовым повинностям. Поэтому анархисты, эсеры и меньшевики теперь кричат (и не без успеха) о восстановлении крепостного права. Только упорным, терпеливым, настойчивым раз'яснением крестьянину нашего хозяйственного плана и целей трудовой мобилизации и вовлечением в практическое хозяйственное строительство мы сумеем преодолеть ненависть крестьянина к трудовым повинностям на государство, „на казну". А такие факты непланомерных трудовых мобилизаций, как приведенное выше, могут только разжечь вековую ненависть крестьянина к трудовым повинностям.

Отсутствие ясного хозяйственного плана является наилучшей почвой для того, чтобы создать в трудовых мобилизациях величайшую путаницу и неразбериху и совершенно дискредитировать их. Выше (в главе о едином хозяйственном плане) я уже указывал на крайнюю опасность выработки единого хозяйственного плана по производственным программам отдельных секций и совнархозов, по производственным программам отдельных этажей, комнат и клетушек и на неизбежную анархию, к которой это ведет. Между тем трудовые мобилизации уже намечаются по этим анархическим отдельным производственным программам. Вот красноречивые факты. Наркомзем требует 2 миллиона сельскохозяйственных рабочих, Наркомпуть 250 тысяч квалифицированных, Выссовнархоз пред'явит свои требования по производственным программам отдельных секций.

Мы вплотную подошли к величайшей опасности запутаться, сбиться в трудовых мобилизациях, направить силы не туда, куда нужно, и оставить без рабочей силы те производства, где рабочая сила нужна прежде всего.

Я имел случай на практике, на месте, в Саратовской губернии познакомиться в относительно малом масштабе с этим труднейшим делом. Вот далеко-далеко неполный список требований, которые поступали в Р. В. С. Кавказского фронта на рабочую силу: дровозаготовки и распиловка бревен, снегочистка, чернорабочая сила для желдорожных мастерских, рабочие отряды для выкорчевывания замерзших во льду плотов, ремонт дамбы на Сазанке (ж. д. под'езд к переправе через Волгу, крайне важный), вывод и зачалка баржей (которые иначе погибнут), подвоз песка на водопроводные фильтры (иначе холера и брюшной тиф), ремонт зданий для госпиталей, санитары для госпиталей, банно-прачечные отряды, формирование этапных батальонов, погрузка шпал для Алгембы, рабочие для совхозов и т. д. и т. п. и пр. Я мог бы удлинить этот список в три, четыре, в десять раз. И вот, не имея плана и имея только ограниченные силы, приходилось крутиться, как белка в колесе, выворачиваться и изворачиваться на все лады, давать наряды, чтобы затем отменить их, а затем вновь возобновлять. А в результате твердый вывод, что многое сделано было не так, что при крайнем недостатке рабочей силы она не редко тратилась не на первоочередные, не на важнейшие дела. Конечно, стихия брала свое: дровозаготовки и очистка жел-

дорог от снега поглотили большую часть рабочей силы, но это делалось стихийно, без твердого плана и выходило крайне неэкономно. А кроме того, более близкое знакомство с требованиями на рабочую силу утвердило меня в убеждении, что эти требования также составляются без всякого плана, стихийно, под давлением крайней жизненной необходимости.

Возьмите, напр., требование рабочей силы для совхозов. Мотивы самые правильные, более высокая производительность, необходимость поддержать это важнейшее начинание. А в результате, не получится ли действительно так: „Семена на участок Петра, Петра на участок Семена". Снимать крестьянина с его полосы для работы в совхозе— это для него бессмыслица, ибо различие производительности труда *на себе* он не почувствует, бессмыслица, которая горько напомнит ему помещичьи времена и забрасывание его полосы для обработки помещичьих земель.

Не ту ли же самую бессистемную трудовую мобилизацию мы получим в центре, если не будем иметь твердого хозяйственного плана? И в чем будет преимущество Главкомтруда и губернских комитетов по сравнению, скажем, с Р. В. С. Кавфронта, раз и у них не будет твердого плана, в котором будет указано: столько-то процентов мобилизованных на такое-то производство в первую очередь, столько то во вторую очередь на такое-то производство, остальные производства лишь в случае свободных остатков рабочей силы в таком-то порядке.

Или вот еще характерный пример из деятельности Главкомтруда, по части „затыкания дыр". Недавно об'явлена трудовая мобилизация для санитарной чистки городов. При этом, несмотря на неоднократные заклинания в тезисах Ц. К. о полнейшей необходимости сообразовать трудовые мобилизации с действительными возможностями, в этой мобилизации никакого сообразования и следа нет. Судите сами: до распутицы осталось две-три недели, в течение которых мы только и можем подвезти последние дрова, во время распутицы вывоза нечистот не наладить, а затем начнутся весенние работы Нет обоза, нет упряжи, нет фуража, нет лошадей, нет людей—попробуйте-ка при таких условиях произвести вывозку нечистот и чистку.

— Но не тонуть же в нечистотах? не вымирать же от эпидемий?—скажут мне.

— А почему бы и нет! Отчасти тонуть, отчасти вымирать, а главные силы все же обратить на основную задачу первого хозяйственного периода—транспорт, топливо, хлеб, сырье. Иначе получится починка крыши в то время, когда стены угрожают обвалом

Мне могут сказать, что моя критика похожа на бесплодное брюзжание, что я только одно и повторяю по вопросу о трудовых мобилизациях: осторожность, осторожность, осторожность. Это неверно, мое предложение совершенно ясно: твердый единый хозяйственный план, проводимый железной рукой—и уж тут, в трудовых мобилизациях на это дело—поменьше осторожности, побольше смелости.

IV. Трудовые армии и милитаризация хозяйства.

Основной для крестьянина вопрос, связанный с трудовой повинностью, это—кто и как обработает его землю. На широкой рабоче-красноармейской конференции в Саратове этот вопрос в речах ораторов

более всего дебатировался. То же было и в многочисленных поступивших ко мне записках. При этом ораторы и авторы записок вполне правильно ссылались на неудовлетворительную обработку земель красноармейцев и ставили вопрос об обработке земель трудоармейцев.

Вопрос об обработке земель красноармейцев и трудоармейцев, а также о других жизненно необходимых работах есть вопрос о местных трудовых мобилизациях. Этот важнейший вопрос только слегка затронут в п. п. 15 и 19 первых тезисов.

П. 15 гласит: „Наряду с этим необходимо особым декретом установить, какие хозяйственные нужды и потребности должны быть отнесены к местным и районным и разрешаться путем местной трудовой повинности".

А в п. 19: „Задачей комитета по всеобщей трудовой повинности явится практическое согласование местных требований между собою, а также с требованиями центра, которые по общему правилу должны иметь первоочередное значение".

Из этих коротких, но наиболее существенных пунктов особенно ярко видно, насколько невозможно обойтись без единого хозяйственного плана при трудовых мобилизациях. Разве мыслимо, не имея хозяйственного плана, твердо проводимого, хотя бы мало-мальски правильно, хотя бы приблизительно распределить мобилизованную рабочую силу? В этих пунктах по существу *поставлен* вопрос о едином хозяйственном плане и дан намек на решение этого вопроса: „требования центра по общему правилу должны быть первоочередными".

Эту общую формулировку необходимо конкретизировать. Крестьяне-красноармейцы и трудоармейцы требуют ответа на вопрос, кто и как будет обрабатывать их земли, и для обеспечения самой возможности, как местных, так и общегосударственных трудовых мобилизаций ответ на этот вопрос должен быть дан в первую очередь. И ответ этот может быть только таков: организация при губернских, уездных, волостных и сельских исполкомах военно-трудовых бригад, полков, баталионов, рот для обработки в первую очередь красноармейских и трудоармейских земель, а затем уже для обслуживания других местных нужд. Эти местные военно-трудовые бригады, полки, баталионы, роты находятся в распоряжении местных трудовых комитетов, могут быть перебрасываемы в пределах губернии и по соглашению Главкомтруда с Губкомтрудами в известных случаях употребляемы для общегосударственных работ. Организация их, инструкции, способы планомерного использования, снабжение находятся под общим руководством Главкомтруда. Формирование их должно протекать по определенному плану, в порядке известной постепенности, определяемой по соглашению с Губкомтрудами.

Обращение местных военно-трудовых отрядов на обработку кра-

сноармейских и трудоармейских земель есть первая строго оформленная принудительная общественная обработка земель. И здесь пред Наркомземом станет задача вовлечь в эту принудительную обработку те чересполосные участки (а значит и их владельцев), которые в нее не попадают.

Такая принудительная обработка красноармейских и трудоармейских земель есть наиболее понятная для крестьянина принудительная повинность. И это главный довод против всех и всяческих возражений на организацию местных военно-трудовых отрядов. Вы хотите провести принудительную мобилизацию, но возражаете против этой наиболее понятной, наиболее близкой крестьянину принудительной повинности. Тем самым вы возражаете против *всякой* принудительной мобилизации. Вы не считаете возможным провести эту *наиболее легкую* принудительную повинность. Тем более невозможными окажутся всякие другие более трудные, менее понятные и менее близкие крестьянину трудовые повинности.

Местные трудовые части—это первая школа милитаризованной трудовой повинности для крестьянина.

Но если провести в первую очередь организацию местных военно-трудовых отрядов, то ничего не останется для общегосударственных мобилизаций?

Это неверно. Останется Красная армия, заканчивающая боевые задачи, останутся уже существующие трудовые армии. Для начала этого вполне достаточно. А вопрос о пополнении их, вследствие дезертирства и болезней, мы рассмотрим ниже.

Но, быть может, можно обойтись без всякой принудительности для обслуживания местных нужд? Никак невозможно, ибо, как показывает опыт, красноармейские земли уже обрабатываются принудительно. Но эта принудительность низшего порядка, недостаточно строгая, недостаточно оформленная. А обработка красноармейских и трудоармейских земель настолько коренная задача, что лучше пойти на уступки в отношении принудительности в других работах, чем ослаблять принудительность в этой важнейшей для успеха трудовых мобилизаций работе.

Но как же будет с совхозами? Отчасти совхозы будут обработаны этими же местными отрядами, отчасти не будут обработаны. Но лучше временно пожертвовать совхозами, но во чтобы то ни стало обработать красноармейские и трудоармейские земли.

Конечно, местные военно-трудовые отряды это — „дрова“, т. е. один из самых неэкономных способов общественной обработки. Но на них так и следует смотреть, как на „дрова“, т. е. как на временную, вынужденную форму с тем, чтобы как можно скорее резким скачком подойти к самым высоким формам—к тракторным плугам, паро и электромолотилкам, веялкам и т. д.

Мы залезаем таким образом в самую гущу вопроса о милитариза-

ции. С этим вопросом в тезисах Ц. К. происходят странные приключения. В первых тезисах (пункты 21—27) это дело изложено очень подробно и наиболее основательно. Прочитайте внимательно эти пункты, вдумайтесь в них и вы увидите, что тезисы о милитаризации хозяйства подробно описывают . . . трудовую армию, но нигде авторы тезисов не решаются назвать дело его собственным именем. Это первое приключение.

Сформированные на началах „внешне-принудительной дисциплины“ принудительно мобилизованные крестьяне и рабочие, влитые в трудовую организацию, приближающуюся к военному типу“—это и есть трудовая армия. (См пп. 21—27).

Новые тезисы Ц. К. предлагают подтвердить пункты о милитаризации, но в то же время п. 12 новых тезисов гласит: „Привлечение к работе более крупных воинских соединений дает неизбежно более высокий процент красноармейцев, непосредственно незанятых в производстве. Поэтому применение целых трудовых армий с сохранением армейского аппарата может быть оправдано лишь постольку, поскольку необходимо сохранить армии в целом для военных заданий. Как только надобность в этом отпадет, необходимо громоздкие штабы и управления расформировать, использовав лучшие элементы из квалифицированных рабочих в качестве небольших ударно-трудовых отрядов на важнейших промышленных предприятиях“.

Это второе приключение с вопросом о милитаризации. С одной стороны—подтвердить пункты о милитаризации из первых тезисов, в которых (п. п. 25 и 26) говорится об организации „приближающейся к военному типу“ „тысяч и миллионов трудящихся“ (т. е армий?), с другой стороны—расформирование трудовых армий и создание вместо них „небольших ударно-трудовых отрядов“.

Здесь затронуто много вопросов и необходимо внимательно разобраться. Что крупные производственные соединения вообще дают неизбежно более высокий процент работников, не занятых непосредственно в производстве—это истина.

На примере Совнархозов и Высовнархова с его обширными секциями это можно наблюдать наиболее наглядно. Ничего специфически присущего Красным армиям в этом отношении нет. Что штабы Красных армий не подходят ни по типу организации, ни по своему составу для роли штабов трудармий,—также несомненно. Но это—совершенно другой вопрос.

Из того, что военные штабы Красных армий, не переформированных в трудовые, а лишь временно обращенных на трудовые работы, сидят непроизводительно, никак нельзя сделать вывода, что не следует создавать трудовые армии и соответствующие им штабы. О трудовых армиях было не мало разговоров, пункты 28 и 29 вторых тезисов и п. 12 новых тезисов говорят о трудовых армиях, созданных путем обращения в них Красных армий. Пункты 21—27 вторых тезисов подробно описывают, не называя их, трудовые армии, сформированные из мобилизованных по трудовой повинности. И теперь вдруг отбой по этому вопросу.

Существо вопроса, сводится не к тому, производительны или непроизводительны штабы, а к тому, будем ли мы, проводя милитариза-

цию хозяйства и трудовые мобилизации, создавать крупные трудовые соединения (которые получили уже в литературе название трудовых армий), или же мы будем организовывать только небольшие ударно-трудовые отряды. В этом весьма важном вопросе в тезисах Ц. К.—неясность, недоговоренность, противоречия.

Из области милитаризации вопрос переносится в область экономики. Выгоднее ли нам, создавая трудовые отряды (милитаризованные, с дисциплиной и т. д.) держать их в виде мелких единиц или соединять в крупные соединения? Вот как надо поставить вопрос.

Этот экономический вопрос надо обсудить, совершенно отстранив милитаризацию и своеобразные особенности тех трудовых армий, которые созданы из красных Армий.

По этому вопросу у нас на первый взгляд никакого опыта нет, ибо ни „чистых“ ударно-трудовых отрядов, ни „чистых“ трудовых армий у нас не было и нет, но это только на первый взгляд. Опыт есть,—опыт „нечистых“ трудовых армий, преобразованных из красных армий и опыт трудовых мобилизаций (субботники, ударно-трудовые мобилизации на дровозаготовки, на очистку желдорог от снега). Необходимо только внимательно разобраться в этом опыте, отстранив не присущие „чистым“ трудотрядам и трудармиям, случайные особенности, исторически навязанные им. Этот вопрос должен стать главным вопросом порядка дня того с‘езда работников трудармий и трудмобилизаций, о котором говорено было вначале.

Постараемся, однако, как это ни трудно ввиду недостаточности материалов, отсутствия отчетов и докладов трудармий и трудотрядов подойти к решению этого вопроса.

Мы видим, прежде всего, на опыте запасной армии Республики, сведения о которой в прессе были наиболее полны, а так же на опыте запасной армии Кавказского фронта, что эти армии выполняли *разнообразные* работы. Раньше мною был приведен далеко не полный список требований на рабочую силу, которые пред‘являлись в Р. В. С. Кавказского фронта, а из газет товарищи могли усмотреть, что к этим работам запасная армия Республики присоединила ряд работ специально по желдорожному делу. При этом основной и наиболее трудный вопрос, который стоял перед нами, это вопрос о снабжении запасных трудотрядов продовольствием, необходимой рабочей одеждой (валенки, сапоги, рукавицы, шапки, полушубки) и рабочим инструментом. С другой стороны, нередко наблюдалось, что субботники оказывались мало продуктивными именно вследствие плохой организации снабжения. Для местных временных трудовых мобилизаций крестьян на дровозаготовки и на снегочистку вопрос о снабжении играл также очень важную роль. Правда, крестьяне в продовольствии не нуждались, в одежде также, но уже в рабочем инструменте оказывалась сильная нехватка, а особенная нужда была в упряжи и в фураже.

Вопрос о снабжении, особенно при настоящих наших труднейших условиях, есть коренной вопрос трудовых мобилизаций и трудармий Без мало-мальски подготовленных баз снабжения нельзя производить мобилизаций на общегосударственные задачи, отрывающих работников с места жительства, где у них есть своя собственная база снабжения. Конечно, организацию этих баз и трудовые мобилизации мы вынуждены будем проводить параллельно, не ожидая предварительной основательной подготовки снабженческой базы.

И вот с точки зрения необходимости централизации и планомерности снабжения и экономии сил, создание трудовых армий по производственным районам является для настоящего времени неизбежным. Мы не сможем дать каждому небольшему ударно-трудовому и просто трудовому отряду свой собственный снабженческий аппарат, свои собственные склады. Мы не сможем также приписать эти экстерриториальные, работающие не на местные нужды, а на государство, отряды к местным губпроткомам и Совнархозам. Это было бы очень рискованно.

Здесь нам приходится итти по организационным путям, протоpенным строителями Красной армии, и избегнуть „партизанщины" мелких отрядов, самоснабжающихся и разлагающихся—в силу отсутствия аппарата снабжения.

Предлагая в своих тезисах (п. 12 последних тезисов) с'езду признать необходимость, в известный момент, расформировать громоздкие штабы и управления трудармии (из бывших Красных армий), Ц. К. рискует впасть в крупую ошибку. Кое что, конечно, расформировать надо, но ломать весь аппарат и разменять его на мелкие трудотряды не допустимо. Армейские аппараты при соответственной переделке их, могут послужить хорошим крепким остовом для трудармии. Во всяком случае аппараты снабжения должны быть сохранены и стать аппаратами снабжения.

Подойдем к вопросу с иной стороны. В области желдорожного транспорта мы уже вступили на путь создания желдорожных армий труда. Резолюция последней сессии ВЦИК по докладу тов. Красина есть первый шаг по этому пути. Правда, этот шаг достаточно нерешителен. Стоит только сравнить, какими средствами боролось с желдорожной разрухой царское правительство в 1905 году, когда разруха была в тысячу раз слабее, поверхностнее, чтобы убедиться, что мы—наивные ребята по сравнению с царскими чиновниками. Припомните, прежде всего, Мина, Римана, Ренненкампфа, припомните „именной высочайший указ 14 декабря 1905 года о чрезвычайных мерах на железных дорогах", которым на желдорогах были созданы комитеты из начальника дороги, заведующего передвижением войск и начальника жандармского полицейского управления. Этим комитетам было предоставлено право издания обязательных постановлений с трехмесячным арестом за их нарушение, а также право увольнения без следствия и суда. Этим же приказом были учреждены на желдорогах военные суды. Припомните, наконец, ту грандиозную чистку и тот специфический подбор всего состава желдорожников, за который нам приходится расплачиваться по настоящее время.

ВЦИК вступил на путь создания желдорожных армий труда (или милитаризации, что равносильно). Весьма любопытно было бы сравнить эту милитаризацию с той милитаризацией, которая проведена запасной армией Республики на Казанбургской дороге и о которой ввиду отсутствия сведений можно только догадываться по результатам работы этой дороги.

Необходимо Казанбургский опыт учесть и сделать из него вывод о переходе к полной милитаризации желдорог, к созданию желдорожных армий (в буквальном, а не фигуральном смысле слова) труда со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Желдороги даже в мирное время были организациями полумилитаризованными. Приказы по линии, строгая дисциплина, отдание чести и

пр.— все это было. Теперь, в совершенно исключительное время, нужно довести эту милитаризацию до конца.

И конечно, здесь не может быть и речи о мелких ударно-трудовых желдорожных отрядах. Это ясно.

Основная задача первого хозяйственного периода—транспорт, топливо, хлеб, сырье. И после милитаризации транспорта, вернее наряду с нею, необходима милитаризация топливных районов, создание трудовых армий в угольных и нефтяных районах. Это уже решено. Это уже частично проведено в жизнь (Донецкий бассейн). И теперь весьма странно видеть в тезисах Ц. К. шаг назад в вопросе о трудовых армиях.

Мимоходом, в п. 12 новых тезисов, Ц. К. задевает один весьма важный вопрос, вопрос о производительности трудовых армий. С легкой руки тов. Ларина, теперь стало ходячим возражение против трудармий, что в них на одного работающего красноармейца три обслуживающих. Этот аргумент кажется очень сильным, но только кажется.

Потрудились ли товарищи, любящие повторять этот аргумент, высчитать, сколько обслуживающих приходилось в капиталистическом строе на одного работающего в производстве рабочего. Жена и теща (или мать), готовящая пищу, стирающая и пр., портной, сапожник, ряд посредников—торговцев, выполняющих функции распределения и доставки продукта к потребителю, работники транспорта, транспортирующие грузы, трамвайные служащие, транспортирующие самого рабочего, и т. д. и т. д. до бесконечности. На каждого работника приходилась очень малая часть труда обслуживающих, но обслуживающих было очень много и, в общей сумме, которую ни один статистик в мире не сможет сосчитать, число обслуживающих несомненно было большим. (Это в капиталистическом строе, ну, а в нашем советском нечего и говорить). Ведь обще-признано, что домашние работы женщин крайне не экономны, что общественное обслуживание даст огромную экономию сил (см. конец п. 31 первых тезисов Ц. К.).

Понятно, мы должны принять меры к тому, чтобы еще больше сократить число обслуживающих, но основной вывод из всех этих разговоров и споров тот, что даже в неприспособленных к труду, с громоздкими штабами трудовых армиях процент работающих уже теперь выше, чем в других формах общественного труда.

Это доказывается прежде всего опытом трудовых мобилизаций. Те товарищи, которые работали на этом деле, прекрасно знают, что нередко они превращаются в бессмысленную растрату человеческой силы. Отряд в 500 красноармейцев с большими трудностями мобилизует 50 пеших и 10 конных крестьян на очистку снега. Или: отряд сгоняет подводы в большом селе, которые выезжают за околицу и, обогнув деревню, возвращаются по домам. Такие уродливые явления нередки. Они в более слабой степени повторяются ежедневно, изо дня в день и в общей сумме дают крайне неэкономную растрату человеческой силы.

Создание строго милитаризованных местных отрядов (бригад, полков, батальонов, рот, о которых шла речь выше) дало бы огромную экономию человеческой силы.

Краткие выводы, прежде чем перейти к другим сторонам милитаризации: трудовые армии на желдорогах и в топливных районах, местные бригады, полки и т. д.

Вопрос о милитаризации имеет еще одну сторону, которая была предметом живого обсуждения в нашей прессе и на собраниях. Это—внесение методов военной работы в наши советские организации. Очень многие товарищи всерьез доказывали непригодность методов военной работы для хозяйственного строительства. Здесь более всего сказывалась в'евшаяся в нас, привитая нам капиталистическим строем традиция, усиленная к тому же мирным сидением в московских канцеляриях при советском строе,-традиция, которая соответствовала действительному положению дел в эпохи мирные, различию между методами военными и хозяйственными. Пора отрешиться от этой традиции и понять, что в революционные эпохи могут быть только революционные методы хозяйственного строительства и что военные методы работы (особенно военные методы гражданской войны, которые резче, острее, стремительнее) весьма близко приближаются к революционным методам.

Эта сторона вопроса была подчеркнута в достаточной мере в главе о едином хозяйственном плане, где указывалось, что основная черта военных методов работы—не забывать ни при каких обстоятельствах главную задачу, не уступать второстепенному, как бы ни казалось оно важным, срочным, необходимым, беспощадно отметать все, что мешает выполнению главной задачи.

Там же доказывалось (и надеюсь доказано), что иными путями мы итти в хозяйственном строительстве не можем.

Наконец, там же упоминалось о смешных обвинениях военных коммунистов в „бурбонстве", в „самодурстве". Теперь к этому можно добавить еще обвинение военных коммунистов в том, что они пропитаны особым „воинским духом" (гов. Рязанов), который делает их непригодными для хозяйственного строительства, а также обвинение военных коммунистов в том, что они способны работать только с налету и для планомерной хозяйственной деятельности не приспособлены (один Саратовский товарищ). Это—после двух лет непрерывного кипения в бешенном котле военной, фронтовой работы, двух лет, которые равноценны полустолетию планомернейшей, упорядоченнейшей работы мирных эпох.

Перейдем к другим более интересным возражениям против военных методов работы. В „Экономической жизни" (номера и автора не помню) была помещена статья, автор который признавал за военными коммунистами быстроту и исполнительность, как очень ценные качества, но ставил им в упрек их крайнюю небережливость, расточительность. Военным коммунистам он противопоставлял совнархозных коммунистов, которые в противоположность военным обладают бережливостью, но зато насквозь пропи-

таны бюрократизмом, канцелярщиной волокитой. В заключение автор мечтал о том, чтобы об'единить прекрасные качества военных коммунистов с прекрасными качествами совнархозвых коммунистов, быстроту с бережливостью.

Прежде чем перейти к разбору предложения об'единить быстроту и бережливость, позвольте мне дополнить качества военных методов отрицательным указанием на то, что ядом бюрократизма военные коммунисты никогда не были отравлены (никто никогда не обвинял их в этом) и положительным—на непрерывность (днем и ночью, с суточными дежурствами) военной работы и на гибкость. По поводу гибкости ограничусь только указанием, что на войне гибкость, быстрая приспособляемость к изменяющейся обстановке имеет решающее значение и тот, кто обладает большей гибкостью, более быстро приспособляется к изменяющейся обстановке, меньшими силами бьет большие силы противника.

Можно ли соединить быстроту с бережливостью? Никак нельзя, ибо быстрота достигается большим расходованием энергии в единицу времени. Это закон механики. Но, конечно, одной ссылки на этот закон было бы более, чем не достаточно.

Возьмем пример. Главный инженер по постройке дороги Алгэмба (Александров—Гай—Эмба), которая строится в военносрочном порядке, получил в Саратове 250 тысяч шпал, но нет топлива, чтобы доставить их в Александров Гай. Более того. Нет ни малейшей уверенности, что оно будет в близком будущем. Совнархозный коммунист, исповедуя религию бережливости, начал бы длинные мытарства по всем канцеляриям и через полгода получил бы с грехом пополам наряд на дрова, которые еще полгода пришлось бы доставлять к месту назначения. Я думаю, что я не преувеличиваю сроков. Когда—то тов. *Ленин* в полемике с меньшевиком *Масловым* сказал что формулировка *Масловым* закона убывающего плодородия земли напоминает ему такое определение железнодорожного движения: железнодорожное движение заключается в стоянках поездов на станциях, а в промежутках между этими стоянками иногда происходит продвижение поездов. Я думаю, что даже дальновиднейший тов. *Ленин* не мог предвидеть, что стрела, пущенная им когда-то в меньшевика *Маслова*, попадет в большевика *Маркова.*

Как решает вопрос тов. *Будасси?* „Десять процентов шпал 25 тысяч) обратить на дрова, тогда к сроку у меня будет по-крайней мере 225 тысяч“.

Быстрота, но вместе с тем расточительность. Иного выбора однако нет: либо быстрота и небережливость, либо бережливость и волокита. Мы живем и работаем в такую эпоху, когда необходимо действовать с революционной, молниеносной быстротой (а торопиться нам есть куда), иначе гибель, развал. Когда здание дает трещины и грозит скорым обвалом, то хватают первые попавшиеся под руку подпорки, хотя бы это были ценнейшие сандаловые деревья, или красное дерево, или даже—к великому ужасу тов. *Луначарского*—древняя мраморная дорическая колонна с изумительнейшими художественными борельефами, капителями и прочим, что полагается по штату порядочной дорической колонне.

Я слышу укоризненный голос тов. *Рыкова*: „Головотяпство". И отвечаю на это: „да, в мирные эпохи действия товарища *Будасси* были бы головотяпством. А в революционные эпохи разумное превращается в головотяпство, головотяпство становится разумным. Совнарховская бережливость в таком вот положении как у тов. *Будасси* была бы в настоящее время самым подлинным головотяпством. В течение двух лет мы вот так, по революционному, головотяпствовали и Колчака с Деникиным и Юденичем растяпали".

Этот разговор с тов. *Рыковым*—не вымысел, ибо, как раз по совершенно однородному поводу, в Ревсовете Республики у нас с тов. *Рыковым* произошел только что описанный взаимный обмен „головотяпством".

И пусть тов. *Рыков* не торопится гордиться Совнарховской бережливостью. Топливная политика Главтопа за последнюю зиму была беспощаднейшим расточением наших лесных богатств. Об этом достаточно было сказано выше.

Да не подумают товарищи, что я против бережливости. Бережливость, поскольку она не противоречит быстроте, необходимой в выполнении наших хозяйственных планов, обязательна. Вот, если бы тов. *Будисси* израсходовал вместо безусловно необходимых 25 тысяч шпал на топливо, скажем, 100 тысяч, это было бы преступлением. В настоящее время лозунг „бережливость", как основной, был бы неправилен. Главный лозунг теперь—„быстрота".

Выводы? Сделать сильную прививку военных коммунистов в Совнархозы (и в Высовнархоз) и в Наркомпуть, искоренить беспощадно бюрократическое головотяпство и внедрить военные методы работы в Совнархозы (и во многие другие Советские учреждения): беспощадность в проведении главной задачи, быстроту, гибкость, исполнительность и непрерывность работы. Словом—милитаризовать.

Остановимся еще на одной стороне вопроса о милитаризации, пожалуй, наиболее важной из всех.

В тезисах Ц. К. поставлен вопрос о единовластии в управлении промышленностью. Нельзя не приветствовать этого начинания, но нельзя одновременно не пожалеть, что вопрос поставлен слишком узко. Ведь, если мы не занимаемся игрой в слова, а в серьез хотим милитаризовать весь наш хозяйственный аппарат, то нужно последовательно идти до конца и милитаризовать высшее управление промышленностью, Высовнархоз. Речь идет не о влитии военных коммунистов в Выссовнархоз и не о прививке ему военных методов работы. Это необходимо сделать и об этом достаточно сказано выше. Речь идет о том, чтобы Выссовнархоз поставить по отношению к трудовому фронту в то же примерно положение, в каком был Р. В. С. Р. по отношению к боевому фронту. Председатель Выссовнархоза должен стать „главнокомандующим" промышленностью, коллегия при нем должна превратиться в Р. В. С. П. (Революционный Военный Совет Промышленности), главнокомандующему трудовым фронтом должны быть подчинены трудовые армии (об этом подробнее ниже), он должен

иметь право об'являть известные районы на военно-трудовом и на осадно-трудовом положении.

Чтобы окончательно не испугать тов. *Рыкова* перепспективой насильственно напялить на него генеральский мундир, добавлю, что предшествующая грозная терминология имеет по преимуществу фигуральное значение и употреблена для картинного изображения моей мысли о милитаризации Выссовнархова. Я бы употребил другое слово („военно-трудовая диктатура Выссовнархоза"), но боюсь испугать уже не только товарища *Рыкова*, а и многих других товарищей.

Сущность же дела сводится к следующему: если мы признаем необходимость ясного единого хозяйственного плана, если мы далее решим, что он должен проводиться с величайшей беспощадностью и твердостью, то кто же будет выполнять роль железной руки, проводящей этот план.

На боевом фронте это был Р. В. С. Р., имевший действительно железную руку в лице тов. *Троцкого*. Кто будет на трудовом фронте?

Судя по тому, что Главкомтруда является органом Совета Обороны, роль железной руки поручена этому последнему, а не Выссовнархозу. Годится ли Совобороны на роль железной руки?

Что такое Совет Обороны? Это-междуведомственная, согласительная комиссия, которая именно в силу своей междуведомственности не может дать твердых решений, а будет давать (и давала) решения половинчатые, междуведомственные, согласительные, полумеры. Решения Совета Обороны—это соглашение между отдельными этажами Советского здания, из которых каждый заботится прежде всего о себе, себя считает на первом месте, в первой очереди.

Совет Обороны это не железная рука, а рука мягкая, примирительная, успокоительная.

Если совет обороны в свое время был необходимым для того, чтобы согласовать действия и работу боевого фронта и тыла, то ведь теперь, при переходе к трудовому фронту, вопроса о трудовом тыле нет, ибо трудовой фронт везде и не имеет тыла. По своей конструкции совет обороны совершенно не приспособлен к этой задаче, ибо *междуведомственная* хозяйственная диктатура это—нечто невозможное внутренне—противоречивое, междуведомственная диктатура—это междуведомственное бессилие.

Для проведения единого хозяйственного плана необходима железная рука, и если с'езд не вырешит этого вопроса, то все его хорошие решения окажутся не действительными.

Я выставляю кандидатуру *Выссовнархоза* на пост железной руки. Ограничьте его в правах, заручитесь гарантиями, в частности определите пределы его власти над другими ведомствами, но железную руку установите.

Наиболее трудная сторона этого вопроса это отношение Совнархоза в роли железной руки к военному ведомству и в особенности к трудармиям (из Красных армий). Поскольку мы сохраняем эти армии на военном положении, они должны быть подчинены Высовнархову только в оперативном отношении, т. е. они должны

в район своего расположения, определяемом РВСР, выполнять трудовые задания Высовнархоза, сохраняя свою военную организацию, свои штабные и снабженческие аппараты. Они должны своевременно получать пополнения из тех возрастов, которые мобилизуются по военной, а не по трудовой (мобилизации). Дисциплина и политработа должны в них стоять на прежней высоте, ибо, как показывает опыт, даже наиболее дисциплинированные части легко расхлябываются в мирной трудовой обстановке.

И тут уместно поставить вопрос, насколько правильной и целесообразной оказалась на деле конструкция советов трудармий с введением в них представителей различных ведомств. Эти советы по конструкции своей попали в положение районных советов обороны с теми же междуведомственными недостатками плюс еще то, что представителям ведомств в них предоставлено сеймовое право вето (п. 9. постановлений Совета обороны о первой революционной армии труда). Нужна ли такая сложная и волокитная по конструкции организация советов трудармий? Не проще-ли несравненно, раз трудармии выполняют оперативные трудовые задания, оставить прежнюю организацию совета с введением для связи и наблюдения представителя Выссовнархоза.

Опыт трудармий со стороны целесообразности конструкции их РВС необходимо проверить еще и потому, что в новых тезисах Ц. К. (п. 6) поставлен вопрос об областных хозяйственных органах, в обширных районах, удаленных от центра, с широкими полномочиями для областных бюро в области непосредственного руководства местной хозяйственной жизнью Конструкция областных бюро сильно напоминает конструкцию РВС трудармий. Весьма сомнительно, чтобы эта междуведомственная сеймовая конструкция была пригодна всюду, особенно во вновь завоеванных местностях, где нет еще никаких органов советской власти, кроме Ревкомов, где власть в силу необходимости имеет и некоторое время (особенно на Северном Кавказе) будет иметь военный, а следовательно, централизованный характер.

V. Тезисы.

Нижеследующие тезисы были приняты по моему докладу на партийной конференции запасной армии Кавказского фронта 27-го февраля, а затем на партийной конференции Кавказского фронта 5-го марта, т. е. задолго до получения последних тезисов Ц. К. в Саратове. Это обстоятельство я вынужден подчеркнуть вот по каким соображениям. В течение последнего года я не раз убеждался (и не раз заявлял об этом), что наши народные комиссариаты, в которых многие товарищи засиделись в течение двух лет, все более отходят, отстают от живой практики мест. Состав наших Наркоматов не освежается выросшими в провинции на живой практичеcкой работе работниками и засевшие в Московских канцеляриях товарищи не освежают себя живой практической работой на местах. Последний с'езд Совнархозов и последняя сессия ВЦИК весьма веско подтвердили это мое наблюдение и показали, что товарищи на местах уже поняли это отставание центров от мест.

Некоторое отставание наших центров в вопросах трудовой

мобилизации от живой практики, которое я подчеркнул в своей брошюре и которое заставляет меня усиленно настаивать на выслушании партийным с'ездом докладов и отчетов с мест и на скорейшем созыве с'езда работников трудармий и трудмобилизаций подтверждается тем обстоятельством, что расхождение моих тезисов, появившихся *до* тезисов Ц. К., с этими последними об'ясняется преимущественно отсталостью тезисов Ц. К. в учете живой практики.

Пара слов о третьем пункте моих тезисов. Под специальной подготовкой мобилизуемых коммунистов, о которой в этом пункте говорится, я подразумеваю ознакомление коммунистов с аппаратом, в который их направляют, а не с техникой. Теперь многие коммунисты переводятся на желдороги. Необходимо дать им предварительное знакомство с аппаратом управления желдорог и его подразделениями (служба тяги, служба пути, служба движения), снабдить средними нормами расхода горючего и смазочных, продолжительности ремонта паровозов и вагонов по категориям (текущий, малый, средний и капитальный ремонт), а также промывки паровозов, ознакомить их с вопросами о наиболее экономном использовании паровозов и подвижного состава (нормальная средняя нагрузка вагона, ниже которой его пробег становится не выгодным), указать, где и как найти многочисленные инструкции как по отдельным службам, так и по отдельным специальностям, познакомить их с наиболее опасными и недопустимыми на желдорогах нарушениями инструкций и т. д.—словом ввести их в курс административного управления желдорогами, не загружая техникой. Подобные знания доступны каждому толковому коммунисту и чрезвычайно облегчили бы им первые шаги в новом незнакомом деле. Устройство кратковременных курсов (для желдорожных коммунистов-примерно месяц, для командируемых в другие производства пара недель), издание соответствующих вадемекумов, брошюр, инструкций, справочников и было бы делом особого органа при Ц. К. о котором я говорю в п. 3 моих тезисов.

Тезисы по докладу С. И. Гусева,

принятые на партийных конференциях Кавкфронта и запасной армии Кавкфронта.

1) Единый хозяйственный план должен быть разделен на хозяйственные периоды, причем каждому периоду должна быть поставлена одна основная хозяйственная задача в следующей последовательности: А) восстановление транспорта, подвоз и образование складов хлеба, топлива и сырья, б) усиленное развитие машиностроения на добычу топлива, сырья, хлеба и на развитие транспорта, в) усиленное развитие машиностроения на производство продуктов массового потребления, г) усиленное производство продуктов массового потребления.

Единый хозяйственный план должен твердо и неуклонно проводиться в жизнь и должен стать осью той агитации, которую партия розовьет вокруг вопросов хозяйственной жизни и трудовой мобилизации.

2) Все производства, не являющиеся подсобными для основной задачи хозяйственного периода, могут быть поддерживаемы лишь п[illegible] стольку, поскольку их работа не препятствует проведению гла[illegible] задачи. Подсобные для основной задачи производства должны [illegible] развиваемы в меру действительной необходимости. В силу этого [illegible] хозяйственный план должен представлять не сумму производ[illegible] программ, выработанных производственными секциями и мест[illegible] наркоамами на основании поступивших заказов от централь[illegible]

ных учреждений, а наоборот, единый хозяйственный план должен определять размер производственных программ по каждой секции.

3) Мобилизации квалифицированных рабочих, профессиональное образование, трудовые мобилизации, использование трудовых армий и мобилизации коммунистов должны быть сообразованы с главными задачами каждого хозяйственного периода, причем коммунисты должны получать предварительную специальную подготовку, для чего при Ц. К. должен быть создан особый орган.

4) Трудовые мобилизации должны проводиться с большой осторожностью и обдуманностью, чтобы с самого начала не подорвать в массах доверия к ним. Необходимо немедленно строго учесть опыт трудовых мобилизаций, для чего созвать с'езд местных и армейских работников, руководивших и принимавших наиболее деятельное участие в этих мобилизациях. На профсоюзы должны быть возложены задачи строгого учета профессиональной рабочей силы и организации производства.

5) Как показал опыт трудовых мобилизаций и трудармий, наиболее действительное и правильное использование мобилизованных по трудовой повинности м. б. осуществлено в настоящее время только в форме трудовых армий. Ввиду этого необходимо создать базы снабжения и продовольствия для этих новых трудовых армий и соответствующие аппараты управления. В качестве мобилизационного аппарата должны быть использованы военкоматы.

6) При губернских, уездных и волостных исполкомах должны быть организованы образцовые трудовые бригады, полки, баталионы и роты, которые, обслуживая местные нужды, вместе с тем являлись бы постоянными кадрами, куда будут вливаться мобилизованные по трудовой повинности для местных нужд.

7) Организация трудармий должна быть поставлена на военную ногу, управление ими должно быть централизовано и использование их для местных нужд должно происходить только с разрешения центрального органа. В политотделы трудармий необходимо ввести представителей Центрального и местных советов профсоюзов.

8) В целях твердого и неуклонного проведения единого хозяйственного плана необходимо устранить многовластие, централизовать административную власть, введя единовластие и перейти от дезорганизующей системы чрезвычайных уполномоченных к военно-трудовой диктатуре Высовнархоза, с введением на равных правах в него, а также и в местные совнархозы, лучших работников из коммунистов, работавших в Красной Армии.

9) Все советские учреждения должны быть милитаризованы, т. е. в их работу должны быть внесены военные методы непрерывности работы, строгой дисциплины, быстроты исполнения и полного …гнания всякого бюрократизма, волокиты и канцелярщины.

10) В целях милитаризации желдорожники должны быть прев… в желдорожные армии труда на основах, изложенных в …щих пунктах, с командированием на желдороги наибольшего …ммунистов, особенно из армий, и с введением в Наркомпуть …х правах виднейших военных комунистов.